

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЦЕНЗУРОЙ СТАТЬЯ 1856 г. ОБ ОГАРЕВЕ и НЕКРАСОВЕ

Вступительная статья и публикация Як. Черныка

Печатаемый ниже текст представляет собою начало статьи, принадлежащей, возможно, перу Г. Е. Благоветлова, написанной в первой половине ноября 1856 г. и предназначенной для 33-го номера еженедельного журнала «Сын Отечества». Статья эта в свое время не увидела света. Она была запрещена цензурой. Полный ее текст не сохранился и остается нам неизвестным. Мы располагаем лишь несколькими начальными гранками статьи, посланными в цензуру и снабженными пометками цензора. Его же рукой на последней из гранок сделана надпись: «По темноте выражений <С.-Петербургский цензурный> Комитет признал эту статью неудобной для напечатания. 16 ноября 1856 г. Цензор И. Лажеников».

Однако и в таком неполном, урезанном виде публикуемый текст статьи представляет несомненный интерес.

Перед автором стояла «очень трудная задача — определить... значение двух современных поэтов, которых, по обширности стремлений, смело можно поставить в одну категорию с передовыми двигателями новейшей русской словесности — Гоголем и Тургеневым».

Сопоставление поэтического творчества Огарева и Некрасова, предпринятое автором, было подсказано ему почти одновременным появлением первых сборников стихотворений обоих поэтов.

«Стихотворения» Огарева появились в печати в августе 1856 г. «Стихотворения» Некрасова вышли в свет в октябре того же года.

Огарев в начале этого года уехал за границу к Герцену, навсегда оставив Россию. Перед отъездом, находясь в течение полугода в Петербурге, он подготовил к печати первое собрание своих стихотворений, выпущенное его друзьями в свет. Многие из вошедших в сборник стихотворений и поэма «Зимний путь» были напечатаны предварительно в течение того же года в журнале «Русский Вестник». Таким образом, 1855 и 1856 гг. в биографии Огарева-поэта явились весьма серьезной вехой. В эти годы быстро восстановилась утраченная из-за долгого молчания популярность поэта. В течение многих лет стихотворения Огарева лишь изредка печатались в различных журналах, и к моменту появления его в Петербурге осенью 1855 г. поэтическое творчество Огарева было совершенно забыто. Запершись в деревне, пытаясь осуществить на практике опыт преобразования жизни крепостных крестьян, путем введения вольнонаемного труда и соединения крестьянского хозяйства с фабрично-заводским производством, Огарев отошел на время от литературной деятельности. Изредка посылает он в письмах к друзьям «новые пьесы» и еще реже предназначает их для опубликования. За год до его приезда в Петербург произошло, однако, событие, всколыхнувшее интерес общества к поэту. Герцен опубликовал в Лондоне в отдельном издании поэму Огарева «Юмор», имевшую в начале 40-х годов широчайшую известность¹. Множество рукописных копий «Юмора» распространялось тогда в обеих столицах. Анонимное опубликование поэмы в издании Лондонской Вольной типографии вновь напомнило об Огареве, и во многих журналах в 1854—1855 гг. появились заметки, посвященные поэту.

Таким образом, возобновление популярности Огарева в 1856 г. было подготовлено, являясь одним из последствий деятельности Лондонской типографии. В литературной среде глубокая политическая и духовная связь, существовавшая между Герценом и Огаревым, была широко известна. Развернувшаяся в 1853—1855 гг. загранич-

ная деятельность Герцена, опубликование в первой книге «Полярной Звезды» глав «Былого и дум» о «юной Москве» прямо напоминали об этой связи и ставили ее в порядок дня критики и публицистики. При существовавшем тогда запрещении упоминать имя Герцена в печати, мысль журналистов, естественно, обращалась к Огареву. Его имя было еще легальным в то время, и, говоря о нем, можно было в цензурной форме откликнуться на выступление Герцена. Так именно и поступил Н. Г. Чернышевский в том же 1856 г. В известной рецензии о «Стихотворениях г. Огарева» он сумел отчетливо раскрыть свое отношение к деятельности «г. Огарева и его друзей» в 30-х и 40-х годах, обрисовать общественно-политическое содержание этой деятельности и даже указать, в обход цензуры, на великую дружбу и союз, связывавшие Герцена и Огарева.

Чернышевский пишет: «Патрокл—не Дафнис, созданный праздностью: он необходимое лицо в Илиаде. Сколько известно, никто не доказывал противного. Да и Троя, если и не им взята, то без него не была бы взята»².

Здесь Троя олицетворяет самодержавие, а имена знаменитых друзей Патрокла и не названного Ахилла напоминают об Огареве и Герцене.

Подобно Чернышевскому, автор публикуемой статьи рассматривает поэтическую деятельность Огарева в непосредственной связи с общественными стремлениями всего литературно-политического круга, к которому Огарев принадлежал. Он, однако, не решается ни прямо определить направление этого движения, ни, тем более, включить Герцена тем или иным способом в текст статьи, ограничиваясь лишь указанием на тайный (читай: политический) смысл деятельности Огарева. «Лучшие чувства поэта остались под спудом глубокой тайны», — пишет он, давая цензору повод подчеркнуть три последних слова. Глубокая тайна, окружающая лучшие чувства поэта, это, конечно, тайна прикосновенности и верности Огарева тому революционно-освободительному движению, знамя которого было поднято Герценом и Огаревым еще в 30-х годах.

Автор статьи множество раз обращается к одушевляющим поэзию Огарева и Некрасова освободительным идеям, нигде их прямо не называя. «Обширность стремлений», «великие общественные стремления», «верховное отношение к жизни», «пророческие стремления», «вечные стремления», «возвышенные стремления», «вся глубина общественных стремлений», «лучшие стремления», «с тех пор как искусство вступило в тесную и всестороннюю связь с жизнью, оно должно было сделаться живейшим отголоском всех ее стремлений», — настойчиво повторяет автор и, неотступно следуя за ним, цензор каждый раз подчеркивает многозначатое слово.

Слово «стремление», начиная с 1856 г., стало едва ли не самым излюбленным словом в журнальной публицистике. Вспарение Александра II сопровождалось либеральным хором. Развязавшиеся, под влиянием царственных обещаний, языки на всякий лад склоняли слова «стремление», «прогресс», «надежды», «идеалы». С необычайной легкостью в эту пору стекали они с перьев либеральничавших публицистов. И у С. Громеки, например, или у Н. Павлова и К. Кавелина, и даже у М. Каткова в «розовый» период его деятельности, можно найти полный набор образцов подобной фразеологии.

И если в статье неизвестного автора слово «стремление» привлекло столь пристальное внимание цензора, то это объясняется отнюдь не непривычностью или подозрительной зловредностью самого слова, а тем особенным содержанием, которое вложил автор в это емкое понятие. В статье имеется прямая авторская расшифровка этого содержания, отчетливо объясняющая одну, по крайней мере, из причин запрещения статьи.

Автор констатирует, как мы видели, тесную и всестороннюю связь искусства с жизнью. «Самый союз их, — говорит он далее, — был уже следствием окончательной зрелости многочисленных нравственных потребностей, сделавшихся движущей силой для общественных масс <подчеркнуто цензором>. Но есть эпохи напряжения народных сил <также подчеркнуто цензором>, когда торжествуют во всей логической последовательности своей гуманные начала, лежащие в основе общества».

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

III

Торжественно вы стоите в ряды,
Сторожкою вы стоите в ряды,
Чужим, чуждым и чуждым
Боритесь вы, русская земля.

Дорогой вам, окаянная старуха,
Дорогой вам, окаянная старуха,
Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею.

Есть вам, окаянная старуха,
Есть вам, окаянная старуха,
Дети, уже пороки в крови,
Дети, уже пороки в крови.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Вот так, вдали от родины тучной,
Горды вы стоите, доброй волею,
Сквозь дождь, грозу, морозы буй,
Слабой и робкой пылкой старухой.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Шелм и шлем, и шлем и шлем,
Брошь так, шлем, и шлем так, шлем,
Слабой и робкой пылкой старухой,
Горды вы стоите, доброй волею.

Совершенно очевидно, что говорит здесь автор. Речь идет о главной «нравственной потребности» общественных масс, т. е. о ликвидации крепостной системы и того политического строя, который эту систему охраняет. «Эпоха напряжения народных сил», о которой говорит автор, была эпохой крестьянских восстаний и волнений, эпохой приближения грозы — кануна революционной ситуации 1859—1861 гг.

Автор отчетливо определяет задачи и роль искусства, в особенности поэзии, в такие исторические моменты жизни народа. Это — задачи народного трибуна. Об этом автор говорит с удивительным красноречием:

«Все умственные силы общества направляются к одному пункту, привлекающему наибольшее сочувствие, — пишет он. — Важное значение выпадает тогда на долю поэзии, всего более способной выражать народное чувство. Она должна огласить всю глубину общественных <пропущено слово: вероятно, бедствий, страданий; может быть, стремлений> и, вместе с тем, возможность нравственного возрождения» <подчеркнуто цензором>.

Автор прямо утверждает поэзию как силу, предвещающую все другие силы, с помощью которых выражается общественное сознание, т. е. видит в поэте народного глашатая, народного трибуна.

«Истекая из непосредственного сознания общества, она <поэзия> предвещает все другие силы <подчеркнуто цензором>, посредством которых может выразиться его сознание», — заключает автор рассуждение.

Все теоретические положения первой части статьи прилагаются автором к обоим рассматриваемым поэтам. Он подчеркивает черты, роднящие Огарева и Некрасова, хотя отлично понимает, насколько Некрасов опередил в своем «художественном сознании» Огарева, несмотря на то, что они начали свой поэтический путь почти одновременно.

Автор статьи во главу поэтического кредо Некрасова помещает знаменитые строки из пролога к первой книге его стихотворений: «Будь гражданин! Служа искусству...» и т. д.

К сожалению, вся та часть статьи, которая посвящена Некрасову, до нас не дошла. Она, несомненно, содержалась во второй, не сохранившейся половине гранок.

Гранки, дошедшие до нас, содержат проникательную и разностороннюю характеристику поэзии Огарева и некоторых важных черт личности и биографии поэта. Анализ мотивов поэтического творчества Огарева и критические замечания, сделанные автором, обнаруживают в нем не только серьезную осведомленность в вопросах русской и западноевропейской поэзии, но и тонкий вкус и глубокое понимание особенностей и противоречий творческого пути Огарева. «Тот, кто проникнет в поэтический характер г. Огарева, — говорится в статье, — поймет причину исключительности его направления. Личность — нашего автора состоит из тесной связи неуловимо тонких черт, требующих деликатного, но зоркого анализа. Человек и поэт дwoятся в г. Огареве...»

Впрочем, часть этих противоречий и связей была отмечена критикой ранее написания публикуемой статьи. Искренность и задущевность лирики Огарева, с одной стороны, и ее монотонность, с другой, правда, с меньшей точностью, но все же отмечались уже Дружининым и Щербиною.

Накопец, в сентябрьской книжке «Современника» за 1856 г., Чернышевский развил ряд положений, нашедших в статье неизвестного автора несомненное отражение.

Противоречия между деятельной, «прометеевской», полной активности и устремленности личностью поэта и неприменимостью его стремлений к жизни, вскрыто в публикуемой статье с большой проникновенностью и смелостью. Политическая биография Огарева служит здесь, как и в статье Чернышевского, основным аргументом для объяснения этого противоречия.

«... г. Огарев не мог поставить исключительной целью для себя поэтическое призвание. Не знаем, следует ли приписать это обстоятельство тому, что в литературе нашей в конце тридцатых годов едва только установилось то жизненное направление, которое с такой силой утвердилось теперь... Г. Огарев принадлежал к числу молодых тогдашних деятелей. Ознакомясь с его личностью, мы могли бы ожидать от него русского Гервега или, по крайней мере, двойника г. Некрасова», — пишет автор, развивая ранее высказанное предположение. «...мы... видим в нем задатки огромного, но

далеко не высказанного дарования. Причина этого обстоятельства заключается, по нашему мнению, отчасти в самом обращении нашего поэта с искусством, отчасти же в его характере и во взгляде на требования поэзии.

Далее следовало цитированное в начале нашей статьи указание на «глубокую тайну», укрывавшую «лучшие чувства поэта».

Цитируя «Исповедь» Огарева, автор подчеркивает как раз те строки, в которых поэт признается в невозможности для него «сказать, что душу мучит» и еще более — сознаться «в том, что как-то чудно живет в душевной глубине». Эта потаенность «главных чувствований» поэта, действительно, является важнейшей и характерной чертой обнаруженной в то время части произведений Огарева. Однако нельзя предположить, что автору статьи оставалась неизвестной поэма Огарева «Юмор», в которой рассказана именно эта «потаенная» вера поэта, его ненависть к самодержавию, его готовность отдать всего себя борьбе с «тупою силой» угнетения, наконец, его отношение к «алгебре революции». Повторяю, «Юмор» был широко известен в списках. Следовательно, при такой осведомленности, какую обнаруживает автор статьи во многих, даже незначительных фактах истории публикации произведений Огарева и Некрасова³, начиная с конца 30-х годов, нельзя предположить, что «Юмор» оставался ему неизвестным.

Но, если предположить, что непосредственно политическая лирика Огарева была автору статьи знакома, то какой смысл обретает сопоставление Огарева с Некрасовым? Зрелый характер «художественного сознания» Некрасова подчеркнут автором. Он видит эту зрелость прежде всего в том, что поэт прямо и непосредственно исповедует веру в гражданскую, общественную миссию поэзии. К такой прямоте лирика Огарева, по мнению автора статьи, не пришла. «...художественное сознание г. Некрасова отделяется как бы целым двадцатилетием от деятельности г. Огарева», — пишет он. Огарев принадлежит к «блаженному поэтическому времени» Лермонтова и Кольцова и остается в пределах этого времени.

Огарев мог бы стать вровень с Некрасовым (стать «двойником Некрасова»), но не стал потому, что разделилось на два русла, раздвоилось развитие Огарева: «Человек и поэт дwoится в г. Огареве», — говорит автор, имея в виду энергию политической активной деятельности «человека» и отставание, торможение — по внутренним и внешним причинам — развития «поэта».

Но именно с этой стороны взгляды автора могут быть сближены с высказываниями Н. Г. Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» и в рецензии на книгу стихотворений Огарева. Шестая глава «Очерков», в которой и рассказана история взаимоотношений кружков Герцена, Огарева, Станкевича, Белинского, и рецензия Чернышевского были опубликованы одновременно, в 9-й книге «Современника», вышедшей из печати, несмотря на официальную дату 31 августа 1856 г., лишь 11 сентября.

В с л е д за Чернышевским и, без сомнения, под влиянием его точки зрения автор статьи выделяет историческую роль Огарева, молодого деятеля «того жизненного направления.. которое с такой силой утвердилось теперь». В с л е д за Чернышевским автор статьи считает, что основные стороны этого «жизненного направления» нашли лишь частичное, неполное (и тем более драгоценное) выражение в поэтическом творчестве Огарева. В с л е д за Чернышевским автор останавливается на стихотворении «Друзьям» и знаменитых «Монологах».

«... мы пользуемся случаем, — пишет Чернышевский, — чтобы в поэзии Огарева показать отпечаток школы, в которой воспитался его талант». И далее подчеркивает культ дружбы и чувство энтузиазма, соединявшие Герцена, Огарева и их друзей в единый круг деятелей «нравственного развития нашего общества».

Наконец, приведем «Монологи» Огарева целиком в тексте рецензии и комментируя их, особенно последний, четвертый, монолог, Чернышевский пишет: «Тот тип, который воспроизводится, между прочим, поэзией г. Огарева, остается еще в нашей литературе идеалом, дальше которого не повели ее наши передовые люди. Некоторые из них — мы могли бы назвать двоих: одного прозаика, другого поэта, — идут вперед, по всей вероятности, поведут за собой и литературу; мы могли бы сказать, что, по некоторым благородным и светлым качествам таланта, можно еще не оставлять надежды на

третьего... Но то, что будет, когда-то еще будет, а теперь наша литература еще не вышла из момента развития, представителем которого в лирической поэзии служит г. Огарев...»

Весь приведенный отрывок не вошел в журнальный текст рецензии, оставшись в рукописи. Комментируя этот отрывок в издании избранных сочинений, Н. В. Богословский говорит: «*Прозаик*», повидимому, А. И. Герцен; *«Поэт»* — Н. П. Огарев; *«Третий»* — вероятно, М. А. Бакунин, томившийся эти годы в Шлиссельбургской крепости. Отсюда выражение: можно еще не оставлять надежды на деятельность третьего».

Эта расшифровка, несомненно, ошибочна. «Прозаик», идущий дальше, чем пошел Герцен, предполагаемый преемник Герцена, — само собой разумеется, не Герцен. Поэт, идущий дальше, чем пошел Огарев, преемник Огарева, — конечно, не Огарев. Это, казалось бы, должно быть очевидным из всего хода рассуждений Чернышевского. «Прозаик», который идет вперед и на которого возлагается надежда, что он в числе тех, что «поведут за собой литературу» — это, несомненно, Тургенев. Из двух писем Чернышевского к Тургеневу, относящихся как раз к концу 1856 и к началу 1857 г., известно, как высоко оценивал в это время критик автора «Записок охотника» и его место в современной литературе. В этих письмах мы находим такие, например, слова и оценки Чернышевского, обращенные к Тургеневу: «В настоящее время русская литература, кроме Вас и Некрасова, не имеет никого», или «Вы не какой-нибудь Островский или Толстой — Вы наша честь» или «После ваших „Записок охотника“ ни одна книга не произвела такого восторга» и т. д.

«Третий» в отрывке Чернышевского, несомненно, Л. Н. Толстой, а никак не Бакунин. Прежде всего, из контекста отрывка очевидно, что мысль Чернышевского и здесь относится к кому-то из деятелей художественной литературы, а не к политику или публицисту. Затем, вряд ли Бакунин, по мысли Чернышевского, обладал такими «благородными и светлыми качествами таланта», чтобы «повести за собой литературу». Качества Бакунина, как это прекрасно понимал и знал Чернышевский, проявились совсем в иной области.

Выражение: «можно еще не оставлять надежды» — говорит о том, что оценка писателя, о которой идет речь, окончательно еще не установилась, что в его деятельности были моменты, ранее побуждавшие критика отказываться от этой высокой надежды; с другой стороны, «благородные и светлые качества его таланта» позволяют вернуться к этой надежде.

Именно такую, двойственную, была в этот период оценка Чернышевским деятельности Л. Н. Толстого. С одной стороны — звучащее в цитированном выше письме Чернышевского к Тургеневу уничтожение Толстого, с другой — написанная около того же времени и опубликованная в декабрьском номере «Современника» за 1856 г. проникновенная и пронзительная статья Чернышевского о двух книгах Толстого, с огромной силой раскрывающая центральные стороны таланта Толстого и прямо предрекающая его великое будущее развитие. «Мы предсказываем, — заключает Чернышевский свою статью, — что все данное донныне гр. Толстым нашей литературе, только залоги того, что совершит он впоследствии, но как богаты и прекрасны эти залоги». Именно о «благородных и светлых качествах таланта» Толстого написана вся статья Чернышевского. В ней налицо все элементы той самой оценки Толстого, которую за несколько месяцев перед тем Чернышевский высказал в форме осторожного — и недосказанного — предположения.

Наконец, «поэт» в отрывке Чернышевского, это, без сомнения, Некрасов, а не Огарев, «принадлежащий истории». (Об историческом значении стихотворений Огарева говорит вся рецензия, в ущерб, как это признает и сам Чернышевский⁴, рассмотрению огаревского творчества с собственно поэтической стороны). Несколькими неделями позже, когда вышел из печати сборник стихотворений Некрасова, Чернышевский в письмах к нему с восторгом говорит о его книге и ее значении. Он находит в Некрасове талант, равный пушкинскому⁵.

Этот восторг показался Некрасову настолько чрезмерным, что он, по поводу полученного от Чернышевского письма, сообщал Тургеневу: «Он очень умен, но пишет

намеревался встретить книгу Некрасова такой умеренный орган, каким являлся «Сын Отечества».

Автор рассматриваемой статьи заявляет с самого начала, что видит в Некрасове поэта такого масштаба, что он может поставить его в одну категорию «с передовыми двигателями новейшей русской словесности — Гоголем и Тургеневым».

И, если в той части статьи, которую мы проанализировали, имелось достаточно поводов к тому, чтобы цензура воспрепятствовала ее появлению в печати, сколько же подобных и еще более сильных поводов должна была дать вторая, целиком посвященная Некрасову, не дошедшая до нас часть статьи. Мы только можем высказать некоторые предположения по этому поводу.

Как раз в то время, когда решался в цензуре вопрос о статье «Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов», в том же ноябре 1856 г. разыгралась другая «цензурная буря», ближайшим образом касавшаяся Некрасова.

В ноябрьской книжке «Современника» было перепечатано из сборника Некрасова стихотворение «Поэт и гражданин», вызвавшее ряд цензурных преследований и редакции журнала и цензора В. Н. Бекетова, пропустившего стихотворение. Эти преследования грозили также крупными неприятностями и самому поэту, находившемуся тогда за границей. Достаточно напомнить, что Некрасов, по воспоминаниям Д. Я. Колбасина, с беспокойством запрашивал из Рима, «правда ли, что ему грозят Петропавловкой»⁸.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что история преследования «Современника» за опубликование «Поэта и гражданина» имеет прямое отношение к истории запрещения рассматриваемой статьи.

Кто же, однако, был автором статьи? На этот вопрос редактор «Сына Отечества» т. е. издания, в котором статья должна была появиться, отвечает прямо — Г. Е. Б л а г о с в е т л о в. Насколько основательно это мемуарное указание, будет видно из дальнейшего.

В «Воспоминаниях старого литератора» А. В. Старчевского, в той их части, которая была опубликована в журнале «Исторический Вестник» в 1892 г., через год после смерти автора, напечатаны несколько писем И. И. Лажечникова к редактору «Сына Отечества». Три из них Старчевский связывает с именем Благосветлова. Вот их текст с замечаниями Старчевского⁹:

<1>

Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Рука не поднялась у меня на подписание собственной себе похвалы, за которую от души благодарю неизвестного мне критика, и потому послал я корректурный листок цензору Бекетову, а Вас прошу покорно поместить его имя вместе с моим в № «Сына отечества», в котором помещена будет эта статья.

Преданный Вам И. Л а ж е ч н и к о в

1 сентября 1856 г.

Замечание Старчевского: Записку эту я получил по поводу статьи Благосветлова «История русского романа».

<2>

Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Препровождаю к Вам статью «Современные поэты: Огарев и Некрасов». Мысли автора, может быть, были бы хороши в историческом рассуждении, но в этой статье многие выражения так резко бросаются в глаза, а иные своею двусмысленностью наводят в цензуре опасения пропустить их. Попросите автора исправить не по моим указаниям, а посоветоваться с своим благоразумием. От этого его статья много выиграет и не даст повода к толкам. Исправленное возвратите ко мне поскорее. Если же ему не угодно

будет это сделать, то пришлите мне перепечатанный оригинал и прилагаемый корректурный лист. Тогда я спрошу об этой статье мнения цензурного Комитета, заседание которого будет в пятницу.

Чести стоять между Гоголем и Пушкиным я не заслуживаю! да и неловко цензуровать статью, в которой автор так хвалит цензора, и потому строки обо мне исключить.

Ваш покорнейший слуга И. Лажечников

14 ноября 1856 г.

P. S. Мои отметки служат только указанием, но автор может с ними и не согласиться. Прошу только одного — пусть извинит меня, старика, за выражения. Поменьше заносчивости, поменьше повторения фраз с высоким стремлением (их более десяти). Впрочем, вольному воля, а я обязан делать свое дело...

Замечание Старчевского: Все это письмо написано по поводу статьи Благосветлова, о которой сказано выше.

(3)

Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Статья «Современные русские поэты: Огарев и Некрасов» была мною представлена ныне цензурному Комитету, и решением Комитета определено: «Не разрешать ее печатать». Об этом уведомит Вас Комитет в свое время.

С совершенным почтением имею честь быть Ваш покорнейший слуга

И. Лажечников

16 ноября <18>56 г.

Первое из приведенных писем, вопреки утверждению Старчевского, не может относиться ни к статье Благосветлова по истории русского романа, ни вообще к Благосветлову. Его статья «Исторический очерк русского прозаического романа» печаталась в «Сыне Отечества» в октябре—декабре 1856 г. (№№ 28, 31 и 38). Письмо же Лажечникова с оценкой статьи датировано 1 сентября. Далее из содержания этого письма видно, что оно касается вопроса о какой-то критической заметке, непосредственно посвященной самому Лажечникову. И действительно, такая заметка была напечатана в № 23 «Сына Отечества», вышедшем 8 сентября, в отделе «Журналы и газеты». Это — пространный, неумеренный панегирик повести Лажечникова «Беленькие, черненькие и серенькие», только что опубликованной в «Русском Вестнике». Чтобы исчерпать этот вопрос, скажем также, что именно № 23 «Сына Отечества» подписан двумя цензорами — Бекетовым и Лажечниковым. Последний, из естественного чувства литературной щепетильности, не пожелал единолично цензуровать неумеренные похвалы самому себе. «Неизвестный критик», которого благодарит Лажечников в письме, — несомненно В. Р. Зотов. Он начал сотрудничать в «Сыне Отечества» (в отделе критики), как это видно из воспоминаний Старчевского, именно осенью 1856 г. Старые же сотрудники отдела критики были Лажечникову, без сомнения, хорошо известны. Таким образом, первое из писем Лажечникова отношения к Благосветлову не имеет никакого, и Старчевский ошибся, связывая это письмо с его именем.

Переходим ко второму письму. 14 ноября Лажечников рекомендовал автору статьи «Огарев и Некрасов» исправить корректурный лист статьи, учтя его указания. Без сомнения, публикуемый нами текст статьи и является оригиналом этого корректурного листа, т. е. гранок. Через два дня, 16 ноября, они вернулись к цензору, были доложены Цензурному комитету, и статья была запрещена, о чем и сообщает Лажечников Старчевскому в 3-м письме, содержание которого, как видит читатель, совпадает в основном с надписью на гранках, приведенной нами выше и датированной тем же числом.

Тем не менее, Старчевский и второе письмо относит к статье Благосветлова «Исторический очерк русского прозаического романа» (именуемый им неточно—«История русского романа»). Возможно ли предположить, чтобы редактор журнала, имея перед собой письмо цензора, касающееся определенной статьи, название которой в письме точно указано: «Современные поэты: Огарев и Некрасов», — настолько смешал и спу-

гал две совершенно не совпадающие по темам статьи, что, игнорируя лежащий перед ним текст письма, отнес его к другой статье? Между тем именно такая странная ошибка произошла со Старчевским.

Думается нам, что это стало возможным только вследствие того, что Благодетель, действительно, был автором о б е х статей, иными словами, что Старчевский смешивал названия статей, но не их автора. Разумеется, это соображение не имеет силы исчерпывающего доказательства, и потому мы для установления имени автора статьи не можем ограничиться только ссылкой на указание Старчевского, а рассмотрим и другие основания и доводы, подтверждающие это указание или противоречащие ему.

Автор статьи, по взглядам им развиваемым, принадлежит, как показано выше, к людям «нового» демократического лагеря. В этом лагере пытался найти себе сотрудников и Старчевский, основывая в 1856 г., после неудачной реформы издававшейся и редактированной им «Библиотеки для Чтения», новый журнал. Оставаясь верным своему принципу эклектического соединения «старого и нового», он привлекал к участию в «Сыне Отечества» литераторов, принадлежавших к борющимся направлениям. Пестрый состав их перечислен Старчевским в его «Воспоминаниях старого литератора»:

«Будучи активным редактором „Библиотеки для Чтения“, — пишет Старчевский, — я располагал некоторым контингентом талантливых сотрудников, которых было более чем достаточно для небольшой еженедельной газеты, и они охотно согласились принять в ней участие. Все это были лица и тогда уже известные или впоследствии сделавшиеся известными, а именно: В. Г. Бенедиктов, В. Р. Зотов, Я. Г. Есипович, А. И. Рыжов, А. П. Грен, Л. А. Мей, С. В. Максимов, Лав. Львович Добровольский, В. Д. Яковлев, Вл. Н. Майков, В. С. Курочкин, М. А. Рахубовский, А. Н. Серов, И. Льховский; впоследствии к ним присоединились бар. Grambeus (О. И. Сенковский), Гр. Е. Благодетель, М. А. Загуляев, Михайловы, К. Ушинский и многие другие»¹⁰.

Из всего этого длинного списка нас могут заинтересовать лишь несколько имен: во-первых, Л. Д о б р о в о л ь с к и й и И. Л ь х о в с к и й, которые были главными сотрудниками отделов критики, журналистики и библиографии с основания «Сына Отечества» и до середины октября 1856 г., затем В. Р. З о т о в, пришедший в эти отделы с сентября и, наконец, Г. Е. Б л а г о с в е т л о в, впервые напечатавший свой очерк 14 октября 1856 г. Следует обратить внимание также на талантливого А. И. Р ы ж о в а, писавшего журнально-критические обзоры в «Библиотеке для Чтения» под псевдонимом К о л я д и н а; ему, повидимому, принадлежат в «Сыне Отечества» заметки и статьи, подписанные буквой «К».

Вот, собственно, весь круг литераторов, среди которых находится и автор интересующей нас статьи. А в этом кругу имя Благодетель как возможного автора нашей статьи, бесспорно, напрашивается первым¹¹. Его краткое временное сотрудничество в «Сыне Отечества» падает как раз на октябрь—декабрь 1856 г. Среди выделенных нами авторов единственно о Благодетеле можно сказать, что его взгляды соответствовали характеру и содержанию проанализированной нами статьи, свидетельствуя о тяготении автора к кругу Герцена—Огарева. Как известно, уже в следующем 1857 г. Благодетель, уехав за границу, сблизился с Герценом и Огаревым.

Рассмотрим в заключение и соображения, как будто противоречащие указанию Старчевского на авторство Благодетель.

1. Статьи Благодетель, написанные в этот период, гораздо более тяжеловесны по стилю и по слогу. Таковы, например, его статьи того же 1856 г.: «Взгляд на русскую критику» и «Исторический очерк русского прозаического романа». Но это могло вызываться разностью жанров этих и рассматриваемой статей. Если сличить статью «Огарев и Некрасов» со следующей по времени статьей Благодетель, 1857 г., напечатанной в популярном «Общезанимательном вестнике», — «Современное направление русской литературы», окажется, что стиль этих статей сближается. Близки также, хотя и не идентичны, основные положения обеих статей, за исключением основного: общей характеристики русской поэзии этого времени. Признавая оживление русской поэзии (хотя и не называя имен выразителей этого оживления), Благодетель ирони-

чески замечает, что поэзия все же занимается неопределенным «бряцанием среди шестидесятимиллионного народа». Уж не урок ли, полученный им от цензуры в лице Лажечникова, вызвал это скептическое замечание?

2. Статья «Огарев и Некрасов», если она принадлежит Благосветлову, является его единственным опытом в области критического рассмотрения поэтического творчества. Он никогда не обращался в дальнейшем ни к этой теме, ни к этой области критики.

Это — серьезный аргумент. Однако если это и так, если первый и не увидевший света опыт Благосветлова является в самом деле единственным, то не произошло ли



ПЕРВЫЙ КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

Сидят (слева направо): А. В. Нивитенко, А. А. Краевский, Е. П. Ковалевский, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов. Стоят: С. С. Дудышкин, Е. И. Ламанский, А. П. Заблоницкий-Десятовский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин

Фотография 1859 г.

Литературный музей, Москва

это потому, что в дальнейшей деятельности Благосветлова литературно-критические работы вообще уступили место разносторонней публицистике? В качестве редактора «Русского Слова» и «Дела» и публициста он вошел в историю русского общественного движения 60-х и 70-х годов прошлого века. Следовательно, и это возражение не противоречит нашей гипотезе.

3. Рассматриваемая статья, предназначенная для ноябрьской книжки «Сына Отечества» 1856 г., весьма сочувственна Некрасову-поэту. Между тем, всего лишь за несколько месяцев до того, а именно в январской книжке «Огневых Записок» того же 1856 г. (т. CIV, отд. II) Благосветлов напечатал статью «Взгляд на русскую критику», резко враждебную критическому отделу «Современника»¹².

Естественно возникает вопрос: мог ли произойти во взглядах Благосветлова за этот короткий промежуток времени столь решительный перелом, который позволил бы ему назвать себя в статье «поклонником» поэзии и направления Некрасова, против журнала которого он недавно выступил?

Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. В идейном развитии и в деятельности Благосветлова 1856 г. действительно явился переломным, критическим годом¹³. В этих условиях на Благосветлова должно было воздействовать в определенном направлении и то общее чувство восторга, с которым встретила вся демократическая литературная среда появление книги стихотворений Некрасова.

Мы вправе заключить, в результате всего сказанного, что несколько сбивчивое указание Старчевского на Благосветлова как на автора публикуемой статьи, справедливо или, во всяком случае, весьма вероятно.

Текст статьи печатается по цензурским гранкам И. Лажечникова, сохранившимся в архиве журнала «Русская Старина» — ИЛИ (Л).

Разрядкой выделены подчеркивания Лажечникова. Текст сделанных им на полях корректуры замечаний выносится под строку.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Предисловие Герцена ко второму лондонскому изданию «Юмора» (1857), в котором он сообщает, что листы этой поэмы были отпечатаны в 1854 г., но не выпущены тогда в свет, представляется нам написанным со специальной целью законспирировать принадлежность поэмы Огареву. В 1856—1857 гг. Герцен, при публикации статей Огарева под различными псевдонимами («Р. Ч.»; «-ий -ъ»; «Русский человек», «Антон Постегайкин»), прибегал к ложным ссылкам, опасаясь обнаружить участие Огарева в деятельности лондонской типографии. К таким, запутывающим след Огарева, приемам относится и указанное предисловие Герцена. Когда миновала надобность в конспирации (с 1858 г. Огарев отказался от псевдонима и «поднял забралю»), Герцен поместил «Юмор» — в списке изданий Вольной типографии, опубликованном в 1863 г., к ее десятилетию — под 1854-м годом.

² Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Эстетика. Критика. Под ред. Н. В. Богословского, А. В. Луначарского, И. В. Фролова. ГИХЛ, М. — Л., 1934, 449.

³ См., напр., его указание на появление ранних стихотворений Некрасова в «Сыне Отечества», на публикацию стихотворений Огарева «Дилижанс», «Кабак» и др.

⁴ См. конец рецензии, приписанный И. И. Панаевым, надо полагать, с согласия Чернышевского.

⁵ «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым». Под ред. Н. К. Пискарева. Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1925, 24, 28, 29.

⁶ Некрасов, V, 267 (письмо от 25. XI. 1856 г.).

⁷ Там же, 269.

⁸ Письмо к Д. Я. Колбасину. — Некрасов, V, 269, примеч.

⁹ А. Старчевский. Воспоминания старого литератора. — «Исторический Вестник», 1892, XI, 46 сл.

¹⁰ Там же.

¹¹ Такое именно предположение и высказал, покойный ныне, историк литературы С. А. Переселенков, подготавливая текст гранок к печати. В этой работе, осуществленной совместно с пишущим настоящие строки, С. А. Переселенков руководствовался мыслью: не Благосветлов ли автор статьи?

¹² Характерно, что среди откликов, вызванных «дебютом» Благосветлова, отзыв «Библиотеки для Чтения» — будущей питатели Дружинина — был отрицательным: в мартовской книжке журнала, в обзоре журналистики А. Рыжов (О. Колядин) обрунил по адресу Благосветлова несколько иронических слов, назвав его статью схоластической, и посоветовал автору, в целях справедливости, обратиться к критике ошибок самих «Отечественных Записок». Еще более отрицательным было отношение «Современника». С. А. Макашин, комментируя два неопубликованных письма Благосветлова к Некрасову, пишет о том, что статьи этой в «Современнике» ему не забыли и через десять лет (см. «Литературное Наследство», т. 51—52, стр. 124 сл.).

¹³ 1856 г. был переломным и в политической биографии Благосветлова. 27 апреля он был — по прямому указанию Александра II Третьему отделению — уволен от должности учителя Маринского института, и педагогическая деятельность была ему окончательно запрещена. Именно этим обстоятельством объясняется появление Благосветлова в эклектическом издании А. Старчевского, а затем, с 1 января 1857 г., в не менее случайном «Общезанимательном вестнике».

КРИТИКА

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ПОЭТЫ Н. П. ОГАРЕВ И Н. А. НЕКРАСОВ

Нам предстоит очень трудная задача — определить, на немногих страницах критического фельетона, значение двух современных поэтов, которых, по обширности стремлений, смело можно поставить в одну категорию с передовыми двигателями новейшей русской словесности — Гоголем и Тургеневым. Еще с сороковых годов, вслед за прекращением деятельности Лермонтова и Кольцова, общество охладело заметным образом к поэтам, и, под магическим влиянием Гоголя и повествовательной школы, обнаружило полное сочувствие к роману, постоянно радуясь быстрым успехам его на отечественной почве и придавая громкое имя «поэтов» рассказчикам, иногда довольно посредственным, однообразным и поверхностным. Замечательно однакож, что из бесчисленного множества разветвлений повествовательной школы всего более привлекал к себе сочувствие роман общественный, прочные основы которого были положены некоторыми поэмами и повестями Пушкина и, наконец, произведениями Гоголя. Успехам на поприще общественного романа обязаны известностью своей все наиболее любимые новейшие повествователи, даже те, которые, произведя по одной замечательной вещи в этом роде, и вполне обесилев для сохранения занятого ими почетного места в литературе, предались, впоследствии, тому, что называется у нас свободным творчеством — узкой сонливой рутине, тлетворным грезам и образам на давно избитый и заглушенный бездарностью лад. Вспомним, что жертвой великих общественных стремлений сделался истинный поэт последнего литературного движения — Гоголь. Он остановился на Тентетниковых, Петухах, Кошкарёвых, открыл с полуусмешкой добродетельные тени Костанжогло, Муразовых, проговорил с горькими, предсмертными слезами о поэте-гражданине и умер честно, как поэт и гражданин, чувствующий дальнейшее бессилие свое действовать в пользу общества. Достоинствами и недостатками своими вторая часть «Мертвых душ» пролила новый свет на трудную задачу современной поэзии. С другой стороны, отсутствие поэтического инстинкта и творческих сил в огромном большинстве современных поэтов-рассказчиков, их близорукая привязанность к незначительным мелочам и частностям, отсутствие идей, вынесенных из свободного в е р х о в н о г о отношения к жизни, и при всем этом узкий дидактизм — вызвали, в последнее время, реакцию не только против измельчания нового литературного направления, но и против общественно-поэтической школы вообще.* Истомленное однообразными повествованиями и мелочными типами своих «прозаических поэтов», общество обратилось снова к «стихотворным». Оно почувствовало, что поэзия не должна ограничиваться беспредельным накоплением мелочных типов, что значение ее несравненно выше дагерротипа, что, живя лучшими соками общества, лучшими его надеждами, идеалами и возможностями, она должна действовать и обновлять силой своих пророческих стремлений, высококонтрастными чувствами и побуждениями. После холодных, едва схваченных и искаженных образов вседневного романа, общество с особенным чувством любви и примирения стало встречать невинные, но светлые и теплые картинки второстепенных поэтов, поспешивших на неожиданный вызов. Теоретики

* На полях против слов: «общественно-поэтической школы вообще» — рукою И. Лажечникова: Не прочувствовал вражды к обществу.

подняли старую песню о теплых грезах давно минувших лет, принялись возводить в «перлы создания» едва заметные росинки поэтической влаги, стали толковать по-своему Шекспира, Гете, Пушкина; повторять, из сохлых уст, худо понятые эстетические теории Гегеля. Смущались, на время, в понятиях своих об искусстве и самые поэты, в особенности наиболее шаткие в убеждениях: сегодня они изо всех сил старались быть дидактиками и пели давно избитые поучения, завтра, как бабочки, являлись перед публикой в новом виде — с страничками из антологии или с буклическими картинками, обновленными в стиле реставрации и т. д. Но старые сказки не могут доставить новой пищи ни уму, ни чувству: с наступлением освежительного утра опять возникают вчерашние потребности. В чем же заключается эта неумолкаемая забота поэтического дня?

Боже мой! Мы все еще не соберемся вспомнить, что наша жизнь служит только выражением одного из моментов истории, что из внимательного изучения тысячелетних судеб наших европейских предков можно уяснить историческое движение современного общества и, наконец, те начала, которые впитались в сок и кровь бесчисленного множества предшествовавших нам поколений и перешли к нам вместе с условиями, прихотливо созданными историей; избывая нескончаемо в пух и прах давно уже решенные теоретические вопросы, говоря каждый день и каждый час о поэзии и поэтах, мы все еще не хотим заглянуть в историю развития искусства, определить главные начала, которым она подчинена, главные фазисы, через которые проходило искусство вместе с развитием самой жизни, и покоряться этому развитию. Все духовные отправления, в том числе и наука, и искусство, истекают из одного источника — из исторической жизни. Первая анализирует факты и делает из них выводы, переходящие в теоретические убеждения общества; последнее отражает в себе отличительные черты характера каждой данной эпохи, с современными ее данными и с вечными стремлениями. Но основные исторические начала развиваются медленно и своеобразно. Каждый новый фазис жизни становится ясным, превращается в последовательный принцип, только тогда уже, когда вполне выходит победоносным из борьбы с историческими превратностями. Действуя в недрах общества, каждая новая сила то прорывается наружу, то вновь скрывается и подтачивает его снизу*. Чем шире и глубже основное историческое начало, тем более времени требует оно для окончательной возмужалости. В эпохи, когда завершается один из фазисов исторического развития, все отправления жизни становятся яснее, светлые и темные стороны современности обнаруживаются наглядно для всех, разнородные цели и направления, разделяющие членов общества, выступают с полной силой последовательности и убеждения. Вместе с этим, открывается полная возможность для идеалов. Так в XIII веке, в эпоху борьбы гвельфов и гибеллинов**, явилось в Италии величайшее произведение христианского искусства — «Божественная комедия» Данта, в которой ярко исчерпаны и жизнь того времени, и весь круг тогдашних понятий, все идеалы тогдашнего общества. Поэма Данта, достойная всегда служить великим образцом и для искусства, составляет доселе явление совершенно исключительное. В ней затронуты общественные вопросы высшего свойства, но с точки зрения средневековых юристов и пиетистов. Средневековый романтизм, посреди которого явилось на свет это гениальное произведение, не подчинился

* Фраза от слов: «Действуя в недрах» и «подтачивает его снизу» — вписана автором в корректурный текст.

** Часть абзаца — от слов «Чем шире» до «борьбы гвельфов и гибеллинов» — отчеркнута И. Лажечниковым на полях вертикальной чертой.

его влиянию и продолжал развитие наивных форм своих вплоть до времен реставрации в искусстве. Он действовал очистительно на общественные нравы, но представители его, так называемые «Верные любви», по большей части, не раздвигали кругозора своего далее обыкновенных, по тому времени рыцарских, отношений жизни. Коренные общественные вопросы как бы совсем не занимали поэтов. А между тем история двигалась вперед. Реставрация, положив основание новейшему искусству, придала ему силы коснуться всех жизненных явлений. С понятием о великом поэте стал соединяться особый мир философских, исторических, религиозных воззрений. Так, огромное множество сочинений, выходя-



ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ»

Рисунок Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

ших в последнее время о Шекспире, Гете, Шиллере и др. первоклассных поэтах, посвящалось оценке их с той или другой общественной точки зрения. Чем зрелее становятся отдельный поэт или целая литература известной страны, тем более общечеловеческого значения приобретают их идеалы.

С тех пор как искусство вступило в тесную связь с жизнью, оно должно было сделаться живейшим отголоском всех ее стремлений. Самый союз их был уже следствием окончательной зрелости многочисленных нравственных потребностей, сделавшихся движущей силой для общественных масс. Но есть эпохи напряжения народных сил, когда торжествуют, во всей логической последовательности своей, гуманные начала, лежащие в основе общества. Все уметвенные силы общества направляются к одному пункту, привлекающему наибольшее сочувствие. Важное значение выпадает тогда на долю поэзии, всего более способной выразить народное чувство. Она должна огласить всю глубину

общественных <пропуск: бедствий? стремлений? страданий?> и, вместе с тем, возможность нравственного возрождения*. Истекая из непосредственного сознания общества, она предупреждает все другие силы**, посредством которых может развиться это сознание.

Новый Дант необходим в наше время небывалого анализа и медленно образующим идеалом. — Во всех литературах заметно одно и то же явление — преобладание в искусстве тех интересов, которые прежде не пользовались в нем первостепенным значением. И если попытки многочисленных новейших поэтов, предававшихся современным вопросам, не увенчались полным успехом, то причиной этого, с одной стороны, не к о т о р а я н о в и з н а д е л а, а с другой — недостаток полного взгляда на исторические свойства современности. Несмотря на возвышенность стремлений, большинство современных поэтов, особенно западных, увлекается частностями, из которых некоторые уже доживают свой век.

Вот почему так мил нам общественный роман. Он служит приложением новой поэтической деятельности. Есть многочисленные частности, которые должны положить прочный цемент искусству, но на которых последнее не может останавливаться надолго в своем развитии.

Стихотворения г.г. Огарева и Некрасова могут служить наиболее наглядным доказательством сказанного нами. В личности этих поэтов в особенности отразился современный человек, с лучшими своими стремлениями, — и вот почему оба они пользуются огромным сочувствием публики. Принадлежат к числу их поклонников, мы, по обязанности беспристрастного рецензента, воздадим должную дань их достоинствам, но еще более — постараемся указать их недостатки, характеризующие современное состояние русской поэзии.

Есть много сходного между обоими поэтами, так, что в некоторых случаях они могут пояснять друг друга. Не знаем, чему приписать — особенности таланта или энергии, только художественное сознание г. Некрасова отделяется как бы целым двадцатилетием от деятельности г. Огарева, несмотря на то, что они начали в одно время (если примем в соображение стихи Некрасова, помещавшиеся когда-то в «Сыне Отечества»). Стоит прочесть превосходный пролог, служащий предисловием к стихотворениям этого поэта, чтоб убедиться, как глубоко и многосторонне понимает он свое призвание.

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

Мы не знаем ничего искреннее, ничего задушевнее многих произведений г. Огарева. Между тем на всех стихотворениях его, вместе взятых, лежит отпечаток монотонности, заставлявший многих читателей не доверять искренности нашего поэта. И в самом деле, постоянное чувство хандры и безнадежности разлито на всех пьесах г. Огарева, даже тех, которые запечатлены некоторой веселостью. «Много грусти», «Хандра» — вот любимые темы г. Огарева, к которым он никогда не переставал обращаться. Целая плеяда поэтов, воспевавших у нас гордую безнадежность еще с двадцатых годов, под влиянием худо понятого

* Фраза от слов: «Важное значение» до «нравственного возрождения» — отчеркнута И. Лажечниковым на полях вертикальной чертой и против нее поставлен знак вопроса.

** Слова «д р у г и е с и л ы» подчеркнуты цензором двойной чертой.

байронизма, вызвала справедливые насмешки критики и читателей. Тот, кто вникнет в поэтический характер г. Огарева, поймет причину исключительности его направления. Личность нашего автора состоит из тесной связи множества неуловимо-тонких черт, требующих деликатного зоркого анализа.

Человек и поэт двойтся в г. Огареве... Прочтите предисловие к его книге — «Друзьям»:

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою душой,
С желаньем истины, добра желаньем,
С любовью, с поэтической мечтой.
И с жизнью рано мы в борьбу вступили,
И юных сил мы в битве не щадили.

Этот человек весь полон желанья полезной деятельности. Для него тяжел каждый час, проведенный без дела:

Мне день, утраченный в пустом чаду,
Холодным падал на душу упреком.

Пробегая книжку г. Огарева, вы очень часто встретите искреннее повторение этого чувства. Пропировав целый день с друзьями, поэт возвращается домой. Ему стыдно потерянного дня перед «безгласностью ночи». Как счастливы те люди с подобными побуждениями, которые, ложась спать, смело могут поручать будить себя как можно раньше, словами: «вставайте, вам много предстоит дела». Мы чувствуем вполне раздирающую скорбь в словах поэта, когда он, понимая тщету своих стремлений, говорит с отчаянием, в одном из превосходных монологов:

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата
И мысль, и сердце, ношу чувств и дум;
Насмейся надо всем, что так казалось свято,
И смело жизнь растрать на пир и шум.

Какое гордое, высокое значение придает поэт жизни. Лучшим выражением его стремлений служит превосходная пьеса «Прометей», о которой многие думали, что она переведена из Гете. Мысль о смерти ему не тяжела:

Жить скучно — горе да сомненье,
Беда извне, внутри мученье...

Но больно и обидно становится ему при мысли, что гроб закроют крышкой, заколотят гвоздями и засыпят землей.

Откуда же непримосимость к жизни таких благородных стремлений? От самой их силы, от безграничности и неопределенности:

Чего хочу?.. Чего!.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожмется мозг и разорвется грудь.

Все имевшие истинное удовольствие, хотя один раз в жизни, встретить г. Огарева, навсегда сохранили память о его гуманной личности, о многосторонней его образованности. На всех поприщах подобные люди составляли бы лучшее украшение общества. В литературе мы знаем г. Огарева только как поэта и видим в нем задатки огромного, но далеко не высказанного дарования. Причина этого обстоятельства

заключается, по нашему мнению, отчасти в самом обращении нашего поэта с искусством, отчасти же в его характере и во взгляде на требования поэзии. Много глубоких, но не высказанных переворотов совершились в его душе. Лучшие чувства поэта остались под спудом глубокой тайны. Прочтите его «Исповедь»:

Мой друг, тебе хотел бы я
Сказать, что душу мучит;
Я знаю, исповедь моя
Тебе ведь не наскучит.
Да только лишь сказать хочу,
Как весь в лице я вспыхну,
Займется дух и я молчу
И головой поникну,
А все бы я сказал тебе
Люблю иль ненавижу,
Как я не верую судьбе,
Как мало в жизни вижу;
Да стыдно жаловаться мне,
А в том, что как-то чудно
Живет в душевной глубине,
Мне высказаться трудно.

При этом желании «всего», г. Огарев не мог поставить исключительною целью для себя поэтическое призвание. Не знаем, следует ли приписать это обстоятельство тому, что в литературе нашей, в конце тридцатых годов, едва только устанавливалось то жизненное направление, которое с такой силой утвердилось теперь... Г. Огарев принадлежал к числу молодых тогдашних деятелей. Ознакомясь с его личностью, мы могли бы ожидать от него русского Гервега или, по крайней мере, двойника г. Некрасова. Немало удивление читателя, когда он встречает в книжке г. Огарева мирные стансы к лугам и сельским пажитям, поэтическое прославление «Старого дома», элегию на тему «обыкновенной повести»:

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели, и проч.

Вам становится даже досадно — зачем издатели поместили в превосходный дневник поэта такую незначительную, до смеха романтическую вещь, как стихотворение «На море»:

Бутылка выпита до дна —
Ее я брошу в море...

Когда-нибудь она причалит к родным берегам, и —

К ней склонится знакомый лик
И взор знакомый взглянет,
И сердце близкое в тот миг
[О страннике вспоминает.

А между тем во всех стихотворениях г. Огарева так много интересности, так много глубокого чувства и оригинального ритма, ударяющего прямо в сердце, что вы не забудете ни одной его пьески, даже самой маленькой и незначительной. При всей ограниченности содержания «Старого дома», стихотворений: «К подъезду», «Дилижанс», «Кабак» и

множества других, вы не забыли их в продолжение целых десяти лет и обращаетесь к ним теперь с тем же точно чувством, с каким встретили их когда-то, в блаженное поэтическое время Лермонтова и Кольцова... Во многих пьесах г. Огарева вы тотчас замечаете влияние, кроме двух названных поэтов, Пушкина, Гете, Гейне. Так, например, приведенная нами исповедь: «Мой друг, хотел бы я сказать, что сердце мучит» напоминает лермонтовскую; в некоторых стихотворениях так и чувствуется Гейне; все песенки на русский лад написаны под влиянием Кольцова.

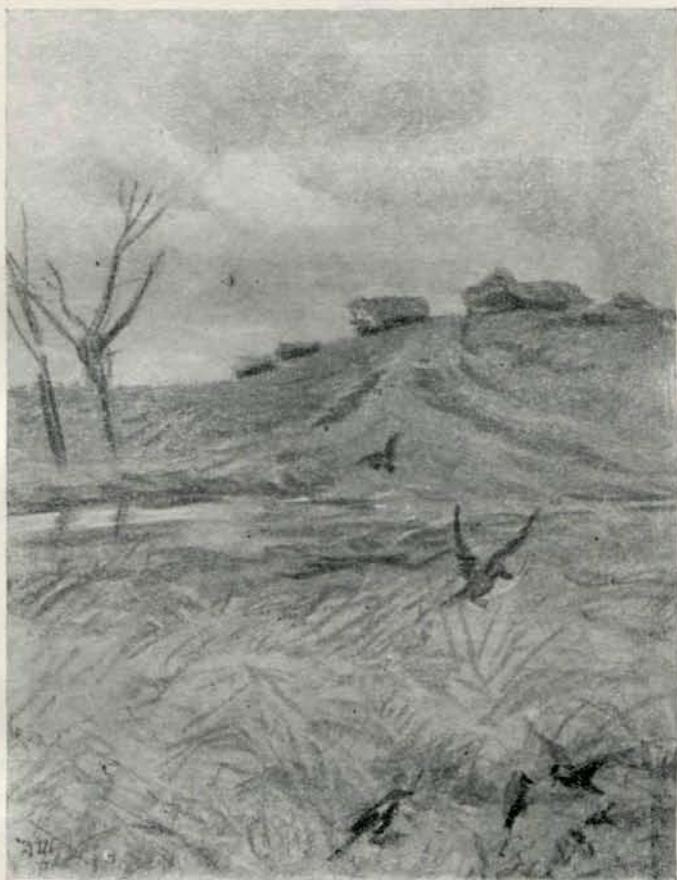


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА»

Пастель Д. А. Шмарнинова, 1939 г.

Третьяковская галерея, Москва

Но все эти произведения самостоятельные, глубокие поэтические вариации на знакомые темы. В них есть особенные черты, принадлежащие лично г. Огареву, разлита особенная жизнь, которой автор жил всеми фибрами сердца. Для того, чтобы плениться вполне г. Огаревым и понять свойство его таланта, прочтите хоть одно небольшое стихотворение:

ЗАБЫТО

Я ему сказала:
«Возвратися, мый!»
Дни прошли и годы —
Я не позабыла;

Я все та же, та же,
 Как в ту ночь, что знаешь,
 Все люблю как прежде,
 Так, как ты желаешь».

Он пожал плечами,
 Не сказал ни слова
 И хотел он тут же
 Удалиться снова.
 Я его схватила,
 Я его держала
 За руки, за платье —
 Все не отпускала.
 Пала на колени,
 Цаловала руки,
 Ноги цаловала,
 Плакала от муки.
 Он взглянул мне в очи...
 Тут мне показалось,
 Что меня он любит,
 Что в нем сердце сжалось.
 Он взглянул мне в очи —
 Отвернулся снова,
 И прошел он мимо —
 Не сказал ни слова.

Не зная как лучше определить одно из особенных свойств музыки г. Огарева, мы назовем его честностью сердца. Каждое прожитое чувство дорого нашему поэту. Ему тяжело заметить в себе изменчивость, ослабление одной из прежних привязанностей, отступление от того, что было когда-то так живо и благородно.

Не правда ль, страшно схоронить
 Любовь, которой сердце жило,
 И пошло, холодно забыть
 И страсть, и грусть, и все, что мило?

Эта тема повторяется в бесчисленном множестве стихотворений.

Поэт входит в дом, где он прежде любил и где его любили. Он хочет осмотреть давно знакомые стены. Ему становится тяжело-грустно при мысли: *

* На этом текст обрывается.